

Разбей это.

Монолог.

«Как часто надо не любить того, кого вы боитесь полюбить? Кого совсем бы и не следовало любить, а надо бы даже как-то ненавидеть. ... Так, что ли? Я боюсь любить тебя, говоришь себе. Как часто... как часто...?»

Она сидит возле небольшой реки. Рядом, на другом берегу реки, виднеется большое здание, обнесенное забором и проволокой. Впереди только двери этого большого здания.

Она сидит на листьях, на желтых, на осенних листьях. Смотрит на эти двери, на другом берегу реки. Рядом с ней лежит мальчик, лет десяти, тоже на осенних листьях. Рядом стоит ее рюкзак, мокрый.

Она. Нравится тебе? *(Кидает листочки на мальчика).* Вот мы и пришли сюда. Красиво тут, да? Вот это – то самое место. Вон река, вон утки. Смотри. Ты же так сюда рвался. А вон, та дверь. Мне теперь туда. А ты тут будь. Пока что...

Листочки под мальчиком зашуршали. Дует ветер...

Она. Лежи еще. Рано. Посидим еще немного... Че, опять хочешь, чтоб рассказала чего-нибудь? Че еще-то рассказать?... Нет. Всё. Отвали. Сколько раз просила, отвали. Отвали, не хочу разговаривать с тобой. Отвали, говорю, не буду ничего говорить, спи,... какие нафиг сказки? Сказки, блин, на ночь. Че придумал-то? Сказки, бля!...

... А ты, говорит, разбей это... Слышишь? Она говорит, разбей это нафиг, эту идиллию их. Че, говорит, они такие офигевшие, сами жрут колбасу, дорогую, копченую, закроются, а ты нюхай сиди... Разбей, говорит, это...

... Ну и че? Ну и разбила, ну и че дальше? Дальше-то че? Че, вот, сидим шас тут такие, мокрые, ну и всё че. Разбить,... а че, как это разбить-то? Как вот камень, что ли в воду кинуть? Так? Ну, шас вот как кину камень между уткой и этим вон, зеленым, селезнем, и че, разбила я их, что ли? Че они расплывутся, что ли? Нет. Конечно, нет. Так, напугаются, да приплывут друг к другу. Снова. Дружить будут. Утят новых родят. Детей. Слышишь, детей родят, как тебя прям, ребенка родили когда-то...принесли тебя такого, говорят, брат вот твой, нянькай теперь его, и чтоб ни дай Бог... А ты, говорит, разбей это...

...А она, знаешь, когда пришла? Ну, тогда, последний раз, когда ты вот как обычно кланчил, ну расскажи, да расскажи чего-нибудь. Ну, как обычно, бесил. Вот, Танька тогда и пришла. Подруга моя...типичная такая, девочка из тепличных условий, как помидорчик, сраная. Да, я знаю, ты ее не любил. Мы ж тебя из комнаты всегда гнали, как она приходила. Вот она как раз, тогда и пришла последний раз, и тогда и говорит,... ты, говорит, разбей это. А ты как раз до этого-то спросил, а что будет,

если в автомат с кофеем тысячную купюру затолкать. А она пришла, и мы тебя выгнали. Ну, как обычно.... Мда... Танька... ты ее никогда не любил. Да Таньку вообще никто не любил. Не только ты. Мне кажется, Танек вообще не любят. Имя какое-то беспонтовое. Че ваще за имя? Танька. Танюха. Как у алкашей. Вот и не любил ее никто. Потому что Танька она. Танюха. Во родители поиздевались, да? Так назвать...

...Да, а знаешь, что будет? Ты еще спросил, а будет ли сдача. Будет ли сдача? Думаю что,... когда автомат увидит тысячу, он сразу напишет. «Кофе нет. Сахар закончился. Вода испарилась. Осталось сухое молоко, идентично натуральному». А в конце так, в рамочке яркой, мигающей, как бинго: «Автомат сдачи не дает»...

...А ты, говорит, разбей это. Я ж тебя просила, просила не лезь ко мне. Сколько раз просила. Отвали. Я тебе че подружка, что ли? Подружку нашел. Я тебя старше блин, ты сопляк. Че думал колбасу мне носишь, дак все что ли, полюблю? Че купить меня хотел? Или эти подсылали? Любит он меня. Конечно, говорит, ну конечно я тебя люблю. Это уж конечно. Че конечно? Сука не надо меня любить. Не надо было меня любить. Встанешь, блин такой, щеки сука толстые, сразу видно тоже в теплице вырос, жрешь стоишь эту дольку колбасы, мне еще предлагаешь. Тебе ж самому только кружочек дали, а ты мне сука несешь. Ты че дебил? А? тебя спрашиваю? Ты дебил? Че развалился? Отвечай, дебил? Идиот, нет чтоб, занываться в углу и самому жрать этот кружочек, он мне несет. Ну, конечно, говорит, конечно, кушай, говорит, конечно, я и с тобой поделюсь, ну конечно, я ж тебя люблю, кушай, говорит,... конечно, кушай. Разик ты кусай, разик я, раз ты, раз я... Дебил!

... А че, спать-то все равно в одной комнате. Все рано приползешь ночью. Страшно, говорит, ну, конечно мне страшно. А че страшно-то? Вот мы, вот родители за стенкой в другой комнате. Че страшного-то? Тихо все. А ты говоришь, ну конечно, вон в окно кто-то стучится. А дак пятый этаж ведь, говорю. Кто стучится-то? Ну, вот конечно, пятый этаж, говоришь, а кто-то все равно стучится. Дождь, говорю. Нет, кулачок стучится, говоришь. Это уж, конечно, кулачок... И лицом так ко мне подмышку. Носом ко мне. Кисло, говоришь. Дак вали отсюда, говорю. На свою кровать, говорю. Молчишь. Лежишь в кислятине, не шелохнешься. Выгнать бы тебя, надо бы. А тоже лежу. Молчу. А в окно и правда кулачок стучит, дождя то нет... И говорю тебе, это дед стучит. Какой дед? Как какой? Дак тот, что из сказки, который обсирает детские коляски. Расскажи, говоришь. Дак обоссешься снова. Ну и что, говоришь. Че нравится что ли? Это уж конечно нравится, говоришь, мокренько так, тепло...

... И лежим такие, мокрые, как сейчас прям. Только я еще ничего не начала рассказывать, а уже такие тепленькие лежим. Че, говорю, нассал-то раньше времени? Ну, дак, конечно, нассал, говоришь, че ж теперь делать. Давай, Дезика принесем, говоришь, он нас погреет...

... Кот наш, Дезик. Дезик, Дезик, ко мне. Ко мне, Дезик. Заткнись, говорю, нет больше Дезика, че разорался? Отец твой с балкона его сбросил. За то, что он просрочку нашу съел, раньше нас. Это, говорит, знать надо. А, если мы съедим раньше них, нас тоже с балкона скинут, говоришь. Ну дак, конечно, это уж конечно, говорю, ты дак первый полетишь. Ты полетишь первая, тебя отец вообще вперед

ногами вынесет, дурнушка ты.... Дурнушка, говорит... Это, Дезик в окно стучит, говорю. Слышишь, лапку его? Дезик, Дезик, ко мне... Капец, ты насрал... второй раз, что ли?

... Давай, спокойное что-нибудь, про деда потом расскажу. Ты знаешь, как рождаются утята? Ну, как ты родился? Сначала появляется такое озеро, ну или река, или даже пусть лужа. Потом сюда налетают утки, садятся в эту лужу парами. Девочка-утка, она коричневая, немного серая. А мальчик-утка - он селезень называется. У него зеленая головка, всегда с зелеными перышками. Они всегда парами, по двое. Расплывутся под кустиками и смотрят друг на друга. Они даже не целуются, они дружат. Просто дружат, и плавают вместе. Всегда вместе. Как-то они сами выбирают время, когда им быть парами. А потом они создадут семью. Родят детей и разлетятся, навсегда разлетятся.... И жили они счастливо, но не долго...

... Че ты плачешь, говорю. Че разнылся-то?

...Просто ты такая хорошая, а у тебя такая грустная жизнь, говоришь. И зарылся такой подмышку сильнее, и еще сильнее хнычешь.

...Че, говорю, болит у тебя? Я болю, говоришь. Дак, че я, мамка тебе, что ли? Вали отсюда с кровати. Лежишь тут, соплями меня заливаешь. Шел бы к матери, да ей заливал. Или к отцу своему. Он-то тебе отец родной. Это мне он отчим. Хотя че ты понимаешь? Ты и слово-то это, наверное, не понимаешь, отчим. Тебе-то че, живем все под одной крышей и все че, типа семья. Типа родные все... Это ты там только родной, закроетесь там, в комнате и жрете колбасу дорогую, копченную, а я только и жду, когда ты мне хоть кружочек принесешь....А ты, говорит, разбей это. Ну, конечно, это уж, конечно, принесу, говоришь. Конечно, я же тебя люблю, я всегда с тобой поделюсь, это, конечно. Че конечно? Я че просила? Я че ждала че-то? Нет, ты скажи, я че прям так прямым текстом и просила у тебя?.. Да, кстати, отец твой, козел. Это-то слово ты уже, надеюсь, понимаешь? Домой просрочку таскал, че подешевле. И Дезика он не выкидывал с балкона, а траванул просрочкой этой. Он сначала на нем проверял еду. Потом нам давал, а потом уже сам ел...

... Сидит всю ночь, бубнит, высчитывает на кухне. Кому сколько на завтра положено. Это, говорит, знать надо. По граммам, сука, высчитывает. Конфеты придавленные. Печенья дробленные, по горстям раскладывает. Подсчитывает, кто, сколько за день съел. В военное-то время по граммам хлеб ели. Это, говорит, знать надо. Эх, без одного-то рта получше бы цифры сошлись... А ты, говорит, разбей это...

.... А ты, знал, что он врач был, что он бывший был врач? Зовет как-то меня. Че, говорит, шестнадцать тебе уже? Ну да, говорю. Трахалась уже? Да нет, говорю. А ты знаешь, что я врач был, что я бывший был врач? Это, говорит, знать надо. Наклоняйся, говорит. Че? Наклоняйся. С медицинской точки зрения проверим, девственница ты или нет. Я врач, мне можно, говорит. Не дай Бог пролетела уже. Нахер из дома, сразу же. Наклоняйся... Нагнул меня такой, задрал юбку, засунул руку так, что думала сам лишит меня, покрутил там че-то рукой... не знаю может и лишил. Неизвестно. Будет парень, узнаю. ... Потом говорит, иди. Повезло тебе. Девочка еще. А то не стал бы кормить больше. Это, говорит, знать надо. Чем думаю, кормить-то, печеньками дроблеными? Ну, я и ушла че. В комнату пошла,... а там ты, помнишь? Я говорю, покажи пипку. Помнишь, подрались еще? Ты типа,

не покажу. Маме расскажу. А я ведь не посмотреть хотела, я залезть на тебя хотела, чтоб проверить, не лишил ли он меня. А потом штаны тебе спустила, как взялась за пипку твою, как потянула ее. Ты еще визжал, помнишь? Дак я тут и поняла, че ее тянуть то, больше все рано не станет... ты бы тоже не лишил... Иди, говорю спать, не реви. Ложись. Сказку расскажу даже. Про деда расскажу. Слышишь, в окно стучит. Дед стучит в окно. А ты, нет, это Дезик, Дезик лапкой стучит. Домой просится, говоришь...

... Че за тупая сказка эта, про деда. Как ее? Про что он вообще? Мою слушай, и вали на свою кровать. Все, теперь точно последний раз.... Короче, лежит такой дед на кровати. Вставать пора ему. Потягивается, такой. Сел. Ищет ногой тапочек. Один нашел, второй далеко под кроватью. А, ладно. Встал такой дед, задницу почесал, надел один тапок и шафает дальше по комнате. Шафает такой шафает. До окна дошафал. Смотрит в окно, коляску видит. Почесал голову. Че, говорит. Начал по квартире шафать, ищет че-то. Не может найти. Че, говорит, где толчок то мой? Снова шафает по комнате, опять к окну дошафал. Лбом прислонился к стеклу, постоял так немного, и потек такой вниз, и только рука осталась сползать, как в «Титанике». Коляяскааа, прохрипел дед. Шафает, короче, к двери. Труссы в заднице поправил. Вышел во двор. Стоит такой у подъезда в трусах. Шафает вперед, до коляски. Дошафал, короче, отодвинул занавеску в коляске, заглянул так медленно в нее, а там... а там... Ты че блин? Насрал что ли, скотина мелкая. Это не я, это дед, говоришь, дед насрал, ну конечно дед. Какой дед? Дед не срал, там в коляске утята были, слышишь, утята. Толстые такие. Как ты скотина жирная. Дед бы их потом отстреливать пошел за домом. Дед не срал никогда, слышишь, дед никогда не срал в коляски...

...Че замолчал? Спишь? Обосрался? Иди к стенке тогда. Не хочу, говоришь. Иди, к стенке, говорю, все наказанные спят у стенки...

... А ты, знаешь, говоришь, что если человек знает девять названий спиртных напитков, он уже алкашом считается, ну это уж, конечно, говоришь. Это уж, конечно, алкаш. Не пей, говорю, а то потом вообще бухать будешь. Вот, когда вырастешь, в армию пойдешь, вот тогда... А мама говорит, я не пойду в армию. Это уж, конечно, я не пойду. Почему? Да, она говорит, ты все равно там никого не знаешь. Мама, тебе соврала... Ты просто жирненький, аппетитный. Случись, что в стране, война, например, ты бы пригодился. Тебя бы твой отец по граммам бы разделил. Это, говорит, знать надо. А ты это знал, знал, что ты просто говядина, что он тебя просто откармливает, что ты просто пищевой запас.... Знал? Вот и лежи у стенки... Потому что все наказанные спят у стенки.

... А давай, говоришь, пойдём в лес и закопаем там твоего отчима. Похороним его, с говном коровьим закапаем. Это уж, конечно, с коровьим. Я это по телику видел. Еще так лопаточкой прибить надо сверху, чтоб уж точно, конечно, не вылез...

... Эх, говорит, без одного-то рта, лучше бы цифры сошлись... Ты, говорит матери, сдала бы ее кое-куда. И так хорошо пожила здесь с нами. Пожила и будет. Это говорит, знать надо...

... Вот мы и пришли сюда, мне теперь туда, а ты здесь побудь пока что. Говорила же тебе не ходи за мной. Не ходи, тебя же не выгоняли... А ты, такой, как всегда, дак ты скажи маме, скажи, пожалуйста ей, скажи, что папа тебя выгоняет. Скажи,

говоришь, ну конечно, скажи, это уж конечно, подойди к ней, скажи, мама я тебя так люблю, мама, ну как же так...

... Че? Че сказать? Ты че дурак что ли? Кто так вообще говорит? Фу, блядь, люблю. Слово-то еще противное такое. Сука, меня аж, тогда передернуло... А ты, говорит, скажи, скажи ей, попроси у нее. Она ж мама, ну, конечно, она мама...

... Ну, подошла я к ней. Ну, так чисто из интереса, послушать, что она скажет, как она это скажет. А потом я ей скажу, тоже так просто, ну просто скажу и все. Как вот мелкий сказал, сказать. Ну и скажу и че? Че от меня убудет что ли?

... И так в один голос мы с ней. Я хотела сказать что-то. Мам, мне надо тебе что-то сказать. Говори, первая, говоришь. Я говорю, нет, ты. Говорит, тебе ведь шестнадцать уже? Я девственница еще... Да нет, я знаю, я не об этом. Я ведь че хотела сказать, я ведь, помнишь, как мы жили до отца?... До отчима? Ну да, до него? Помню. Макароны пустые варили... Да, помню, варили макароны... Пустые, говоришь... Да, пустые... А сейчас печенья едим.... Просроченные... Ну дак, хоть и просроченные, но печенья же, говоришь. Не макароны пустые. Колбасу еще едим, копченую... Вы едите, говорю. Ну и ты ешь не ври. Я же видела, видела, как мелкий тебе таскает. Че ты прибедняешься? И ты ешь. А ведь могла наказать его, и отцу рассказать все. А нет. Не рассказала ведь. А значит, и ты ешь.... Да, значит и я ем... Копченую, и печенья... Да, копченую и печенья.... Не макароны какие-то пустые... Да, не макароны какие-то пустые....

... Замолчала че-то... Не хочу, не хочу, говорит, снова макароны пустые есть. Тебе ведь шестнадцать уже... так-то че всего два годика осталось. Два годика всего побудешь там. Это ж быстро пролетит, ты и не заметишь. Сдай, говорит, тебя, слышишь, сдай, а то заберу мелкого и будешь тут с этой... Это же всего два года, а там ты уже большая, там уже самостоятельно жить будешь.... Ну? Че молчишь? Ну, говори, решать что-то надо... Решать, говорит, что-то надо...

... Скажи, мам, а что это, когда тот, кого ты любишь, любит тебя тоже? Взаимная любовь, что ли, говоришь. Нет. Я не про это, говорю. Я про то, что это, когда тот, кого ты любишь, любит тебя? Что это по ощущениям? Как это понять? Как почувствовать?... Ну, взаимная любовь, что ли, говоришь. Нет. Я не про это. Про взаимную, я знаю. Я про то, что это, когда тот, кого ты любишь, любит тебя... тоже? Ну, значит взаимная. Да нет же. Я не об этом. Я говорю о том, что это, когда тот, кого ты любишь, любит тебя тоже? Как это понять? Как головой понять?...

.... Ты, говорит, что-то тоже хотела сказать. Я? А, ну да, Мам,... я спросить хотела, я только хотела спросить,... а кем ты хочешь стать, когда вырастешь?...

... А ты говоришь, лопаточкой, с говном коровьим, ну конечно, с коровьим, а с чьим же еще... Вот че ты за мной потащился? Кричу тебе, отвали. Нет. Тащишься. Все, говорю тебе, шафай отсюда. Я вообще боюсь, слышишь, вообще тебя боюсь. Скажи, говорит, скажи маме, скажи, пожалуись ей. Это же мама. Скажи ей, ну конечно скажи, ну мама, ну я же тебя люблю, мама... Садись, говорю... смотри, говорю. Вода кругом с утками. Сказку про воду, хочешь? Последнюю сказку? Пошли поближе. Потрогай воду. Трогай воду. Осторожно только. Утки тут. Они дружат. Не спугни. Так вот, слушай сказку про воду. Ты знаешь, что во время войны, мамы с водой делали?... Ты трогай, трогай, не бойся. Так вот, идут они по лесу, все, прячутся, от фашистов прячутся. Несут младенцев на руках, а рядом

другие люди разные идут, без младенцев. И вот, заплакал один младенец. И все остановились, и не идут больше, а смотрят на мать с этим младенцем. А надо тихо идти, надо чтоб не поймали. И вот подходит одна мать к этой воде. Вот к этой самой, у которой мы сейчас стоим. Ты трогай, трогай, не бойся... Подходит она, берет младенца и окунает его, глубже окунает, еще глубже, и вот вышли первые пузырьки на воду. А она продолжает держать. И вышел еще один пузырек, последний. И снова вода такая ровная, гладкая, будто и не было ничего. Стоит она у воды, разогнулась вся, руки вниз вытянула, пустые руки....

... Ты дура, дура что ли? Кричишь. Нет. Не верю. Так не бывает. Мама так не делает. Ни одна мама так не делает. Это уж, конечно, не делает.... Как это не делает? Колбасу же ест, втихушку, значит, и утопить может. А ты такой. Утопить и не дать колбасы – это не одно и то же. Тебе же говорит, дали супу взамен, че говорит, не наелась что ли? Как это не одно и то же, говорю. Утопить и колбаса, да еще копченая – это одно и то же....

... А ты говорит, разбей это. Разбей, говорит, это... Ну, и че, ну и разбила, а дальше-то че?

... Ты трогай, трогай. Теплая вода-то. Че-то не гладкая она. Че-то пузырей столько. Говорила же тебе, отвали, не ходи за мной. Не ходи. Говорила тебе, не хочу привыкать к тебе. Говорила? Нафиг надо это, еще материнское че откроется. Нафиг это, в жопу. Пусть дуры рожают. Я вообще боюсь. Слышишь? Я вообще боюсь тебя. Я боюсь тебя любить, слышишь?

.... Ты дурная. Дура дурная. Дурнушка. Дурнушка была и уснешь дурнушкой. Дурнушкой и уснешь. Как прям щас слышу. В ушах стоит голос твой. Дурнушкой и уснешь... И стоит она у воды, разогнулась вся, руки вниз вытянула, пустые руки.... Дурнушкой и уснешь...

.... Вон, видишь то здание?... Тока че-то проволока везде, не тюрьма же все-таки. Сбегают что ли? Не-е, я не побегу. Че мне, мне же два годика тока. А там уже большая, самостоятельная буду такая... Так вот слушай дальше. Разогнулась она вся, руки вниз вытянула, пустые руки, а за спиной у нее небольшой рюкзак, мокрый. И стоит она с этим рюкзаком перед этим зданием, обнесенным колючей проволокой. А дальше-то че? А дальше, перед ней будет большая дверь. Дверь кто-то откроет. Дверь большая и скрипит. А потом она зайдет в эту дверь, дверь закроют с шумом. А рядом в эту воду налетят утки парами. Девочка-утка, она коричневая, немного серая. А мальчик-утка – он селезень называется. У него зеленая головка, всегда с зелеными перышками. Они всегда парами, по двое. Расплывутся под кустиками и смотрят друг на друга. Они даже не целуются, они дружат. Просто дружат, и плавают вместе. Всегда вместе. Как-то они сами выбирают время, когда им быть парами. А потом они создадут семью. Родят детей и разлетятся, навсегда разлетятся.... И жили они счастливо, но не долго.... А ты говорит, разбей это...

Конец.

